

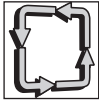
ОТВЕТ ОППОНЕНТАМ

Г.Б. ГУТНЕР

Я благодарен уважаемым оппонентам за обсуждение моей работы. Сделанные ими замечания требуют внести определенные коррективы в мои рассуждения, и я не готов изложить их в этом кратком ответе. Позволю себе лишь реакцию на возражения, показавшиеся мне наиболее серьезными.

В отзыве А.Н. Шумана утверждается, что «эйдетический подход платоничен по сути». Платонизм же, как я понял из текста, означает допущение о существовании «изначальной целостности до ее воплощения». Иными словами, эйдетический подход требует метафизической презумпции об особой области чистых смыслов, не зависящих от конструктивной деятельности. Я полагаю, что такая презумпция необязательна. Чтобы постигать целостность, не нужно полагать ее независимого существования в качестве абсолютного начала. Постигание целостности есть плод конструктивных усилий. Видение целого необходимо для возникновения конструкций, но никакое целое не появляется без конструирования. Эта ситуация круга, о которой я написал в конце статьи, делает бессмысленным вопрос о начале. Мы всегда начинаем с середины. Я готов принять тезис Шумана о значении коммуникативных практик или, пользуясь его выражением, «чистой прагматики». Но тот факт, что «все смыслы являются контекстуальными и определяются прямыми задачами нашей деятельности», не означает еще, что эти смыслы вовсе отсутствуют. Между тем представление коммуникативных практик в рамках «алгоритмизации любых правил игры индивидуальных агентов друг с другом» означало бы именно это.

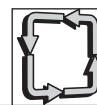
Замечания М.А. Белоусова сделаны с противоположной позиции. Автор отзыва говорит об «идеальной воспроизводимости» смыслов, которые не субъективны и не психологичны по своей природе. Сама идеальная предметность должна быть отличена от психического или коммуникативного процесса ее конструирования. Я готов согла-

ситься с этим утверждением, однако должен спросить: как все-таки удостоверить тождественность себе многократно конституируемого идеального предмета? Здесь возникает проблема, схожая с проблемой следования правилу у Л. Витгенштейна. Невозможно найти критерии идентификации предмета в рамках индивидуального сознания, так же как невозможно, чтобы правилу следовал только один и только однажды.

А.С. Игнатенко в своем отзыве весьма последовательно развивает идею пространственных отношений как своего рода архетипа всех действий интеллекта. Установив зависимость форм мышления «от опыта пространства», мы устраним проблему субъективизма, поскольку этот опыт по определению интересубъективен. Однако этот тезис сомнителен. Совершенно непонятно, как индивидуальное постижение пространственных отношений приобретает интересубъективный, тем более универсальный, если говорить о геометрии, смысл. Заметим, что эта проблема является центральной для «Начала геометрии» Гуссерля. Впрочем, большее сомнение вызывает у меня сам тезис о сводимости мышления к пространственным отношениям. Допустим (хотя и это будет весьма сильным допущением), что происхождение форм мышления полностью определено опытом пространства. Здесь возникает опасность того, что я назвал бы генеалогической ошибкой. Происхождение не обязательно раскрывает существо дела. Сохраняя определенное сходство с опытом пространства, мыслительная деятельность могла уйти достаточно далеко от своего истока, а потому редукция интеллекта к опыту пространства может привести к серьезным искажениям. Вообще генеалогический подход, на мой взгляд, не может быть универсальным (несмотря на блестящие результаты, которые он дал в некоторых исследованиях). Поиск происхождения может завести в тупик. О причине я уже написал, отвечая А.Н. Шуману: начинать, как правило, приходится с середины, поскольку мы находимся в ситуации круга. Это, например, относится к приведенному в отзыве тезису Лакана о структурировании языка. Язык структурирован как пространство, или наше пространство всегда структурировано как язык? Откуда уверенность в том, что опыт пространства предшествует языковому опыту? Я думаю, что для нас, мыслящих и говорящих существ, ничто ничему не предшествует: опыт пространства осуществляется в рамках уже существующего языка и заимствует его формы, равно как и опыт языка возможен лишь благодаря опыту пространства (точнее, опыту деятельности в пространстве). И то, и другое все время меняется и друг к другу не сводится.

В отзывах А.П. Огурцова и Е.В. Косиловой содержатся замечания, посвященные близким проблемам. Впрочем, авторы имеют разные позиции по обсуждаемым предметам. Косилова пишет, что идеальные объекты в гуманитарных науках существенно отличны от

математических, поскольку представляют собой идеализацию «от эмпирики». Огурцов же, касаясь этой темы, замечает, что «абстрактные объекты (в гуманитарном знании) отчуждены от эмпирической реальности», и предостерегает от «натуралистических отождествлений». В обоих случаях речь идет о связи идеальных предметов с эмпирикой – тема, которой я вовсе не касался в статье. Рискую показаться навязчивым, но и здесь я усматриваю циркулярность. Эмпирика гуманитарных наук – это истолкование свидетельств, неизбежно совершаемое в рамках герменевтического круга. Понимание текстов, археологических находок и проч. требует предшествующего понимания некоторого целого, т.е. эйдетически схваченного идеального. Иными словами, нет чистой эмпирики, не нагруженной идеальным. В то же время эмпирика (наблюдения, истолкования) порождает новые идеальные предметы. Ясно, что знание, в том числе гуманитарное, осуществляется в сфере идеализаций, и я, как и Огурцов, убежден в пагубности «натуралистических отождествлений».

В заключение отмечу два важных замечания, которые я хотел бы еще обдумать. Это замечания Огурцова о роли воображения и о спонтанности в конструировании. Два названных (и связанных друг с другом) аспекта мыслительной деятельности, безусловно, очень значимы при конституировании идеального предмета.